

RU

Обряд «вопрошания имени» русской свадебной традиции как реликт похищения невесты

Бузин В. С.

Аннотация. Цель исследования – установить происхождение и смысл обряда «вопрошание имени», выявленного в ряде вариантов русской свадебной традиции, в ходе которого от жениха и невесты и нескольких других лиц требуется полное называние имен и отчеств друг друга. Оно могло производиться в досвадебный период, на самой свадьбе и в послесвадебной обрядности. В статье приведена подборка материалов по этому виду свадебной обрядности, выявлена специфика его приуроченности к этапам свадебного ритуала, установлена его территориальная распространенность, определены круг лиц, которые участвовали в нем, их родственная принадлежность по отношению друг к другу, конкретная роль в свадебном действе. Научная новизна исследования заключается в том, что автор собрал значительный объем материала по этому виду обрядности, проанализировал его на основе методики сравнительно-исторического подхода и сделал вывод относительно его истоков. В результате исследования было показано, что данное обрядовое действие представляет собой в реликтовом виде некогда практиковавшийся у многих народов, в том числе у восточных славян, обычай похищения невесты, сменяющийся затем договоренностью о браке. Об этом свидетельствуют также лингвистические данные – этимология слова «невеста», возводимого к «неизвестная», и ряд особенностей обрядовых действий, например участие в нем «товарища жениха» как исполнителя роли дружки русской народной свадьбы.

EN

The ritual of “name questioning” in the Russian wedding tradition as a relic of bride abduction

Buzin V. S.

Abstract. The aim of the study is to determine the origin and meaning of the ritual of “name questioning”, identified in several variants of the Russian wedding tradition during which the groom, bride, and several other individuals are required to state each other’s full names including their patronymics. This ritual could take place during the pre-wedding period, at the wedding ceremony itself, and in post-wedding customs. The paper presents a collection of materials on this aspect of wedding ritual, revealing the specificity of its connection to different stages of the wedding ceremony, its territorial prevalence, the participants involved, their kinship relationships, and their specific roles in the wedding event. The scientific originality of the study lies in collecting extensive material on this ritual, analyzing it using a comparative-historical approach, and drawing conclusions regarding its origins. The study showed that this ritual action represents a relic form of the bride abduction tradition once practiced among many peoples, including Eastern Slavs, which evolved into an agreement on marriage. This is supported by linguistic data – the etymology of the word ‘невеста’ (bride), derived from ‘неизвестная’ (unknown), and a number of peculiarities in ritual actions, such as the involvement of the “groom’s companion” acting as the equivalent of the best man at the Russian wedding.

Введение

Мы обратили внимание на этот обряд в ходе своих исследований южнорусской свадебной традиции (Бузин, 2015), и, поскольку в используемых источниках не фигурирует его «собственное», т. е. народное название, мы определяем его как «вопрошание имени». Суть его заключалась в том, что в один из моментов свадебного действия от одного из участников требовалось назвать имя и отчество присутствующего здесь лица или произносилось его полное имя при вызывании для совершения определенных действий магического характера. «Вопрошание имени» практиковалось на всех этапах свадебного ритуала: при подготовке к свадьбе, в ходе ее и в период послесвадебной обрядности.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что до сих пор происхождение многих сакральных моментов русской народной свадьбы не имеет адекватного объяснения.

Задачи исследования – по возможности собрать наиболее полный объем материалов по данной обрядности и дать интерпретацию его смыслового содержания.

Материалы исследования. В источниках немного материалов по обряду «вопрошания имени», так что есть смысл привести здесь их содержание. Для упрощения отсылок к источникам при их анализе они были пронумерованы.

Этап подготовки к свадьбе

№ 1. На одной из встреч сторон после сватовства, когда шло пирование в доме жениха, невесту выводили из чулана, где она пряталась с подругами; те заставляли ее назвать имя жениха, но она «модничала», отказываясь это делать, говоря, что видит его впервые. Тогда они просили об этом у товарища жениха, и тот его называл, а невеста повторяла. «Та же процедура происходила и с женихом» (Ягодин В. Историко-статистическое описание прихода села Ильмина Городищенского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1892. № 13).

№ 2. Во время «перепаивания» на сговоре, происходившем в доме жениха, «сходатай-сваха» ставила на тарелку рюмку с вином и подносила ее жениху. Тот отпивал из нее немного и передавал невесте. «Сходатай-сваха» спрашивала у жениха: «Иван Федорович, кому даешь?». Он отвечал: «Елене Сергеевне!». Тогда сваха обращалась к невесте: «Елена Сергеевна, от кого берешь?». «От Иван Федоровича», – отвечала та. Отпив немного из рюмки, невеста возвращала ее жениху. Эта процедура повторялась три раза, а затем еще трижды, но тогда уже невеста угощала вином жениха (Пономарев Д. Свадебные обычаи и обряды нашего прихода (в оглавлении: Свадебные обычаи и обряды с. Курапова) // Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 40).

№ 3. На сговоре, который устраивался в доме невесты, подруги прятали ее от жениха, а тот, найдя ее, должен был назвать по имени и отчеству, а кроме заплатить подругам за нее выкуп (Можаровский, 1907, с. 94-95).

№ 4. При «запое» было требование назвать будущих мужа и жену по имени и отчеству: невеста подносила вино жениху, и родственники (не указано, чьи) спрашивали ее: «Кого потчешь?», – и она должна была назвать его имя, после чего невестина вывожатая (один из свадебных чинов) требовала от жениха ответа на вопрос: «От кого принимаешь?», – и произносилось имя невесты (Зорин, 2004, с. 63).

№ 5. После сговора и рукобития родители и ближайшие родственники (в тексте не указано, какой стороны) нередко требовали от жениха назвать имя невесты, а от невесты – имя жениха (Зорин, 2004, с. 168); без отсылки к источникам.

№ 6. Во время подготовки к свадьбе «в отдельных случаях» друзья жениха требовали от него назвать имя и отчество невесты (Зорин, 2004, с. 168); без отсылки к источникам.

№ 7. Во время обрядовой бани невесты подруги спрашивали ее, как она будет звать своего мужа (Зорин, 2004, с. 72).

Свадьба

№ 8. В юго-восточных уездах Вятской губернии при заплетении волос невесты в церкви новобрачных заставляли смотреться в зеркало и спрашивали каждого из них: «На кого смотришь?» – с ожиданием соответствующего ответа по имени и отчеству (Зорин, 2004, с. 168).

№ 9. После венчания свахи подводили молодую к мужу и спрашивали его: «Как звать будешь свою молодую?», и он называл ее по имени-отчеству. Потом спрашивали у молодой: «А ты его как звать будешь?», и она отвечала подобным образом (Нижегородская свадьба..., 1998, с. 126).

№ 10. За «красным столом» на свадебном пиру спрашивали невесту: «Как будешь называть мужа?», а та отвечала: «Никак!». Но когда спрашивали молодого: «Как будешь называть?» – тот произносил ее имя (Евтихиева, 2003, с. 52, № 35).

№ 11. Молодые приезжали из церкви в дом жениха, их сажали в передний угол, и с подошедшими к ним родителями жениха происходил такой диалог. У сына они спрашивали: «Микита Иванович, ты куда приехал?» – «Домой». – «Каво привез?» – «Марью Лексевну». Затем обращались к невестке: «Марья Лексевна, ты к кому приехала?» – «К Микиту Иванычу» (Гагенторн, 1926, с. 191).

№ 12. Во время свадебного застолья производилось действие «вызывание к рюмке» – молодая произносила поочередно имя и отчество отца и матери молодого, всех родственников жениха, затем своих родственников и в заключение – остальных присутствующих, подавая каждому рюмку или стакан с напитком (Русский Север..., 2004, с. 553).

№ 13. Приехавшие от венца в дом жениха молодые должны были «покликать матерю», что означало назвать (надо полагать, по именам) «дедушку» и «бабушку»: «...первым долгам “дедушку” и “бабушку” – эта на первом месте считали». Затем невеста и жених должны были прилюдно назвать родителей противоположной стороны «мамой» и «папой» (Наследие Липецкой области..., 2016).

№ 14. В Мамадышском уезде Казанской губернии отмечены случаи называния невестой имени мужа при совершении обряда разувания жениха (Зорин, 2004, с. 168).

№ 15. У группы ягунов Тамбовской губернии утром второго дня свадьбы, которая гулялась в доме жениха, производился обряд «величание», как отмечено автором описания: «т. е. угощение по старшинству». Свекор и свекровь брали по стакану вина и выходили на середину избы. Молодые становились перед ними на коленях, припадая лицом к полу. Свекор громко спрашивал: «Сноха, кто пьет?», и та, не поднимая головы, отвечала: «Пьет батюшка Максим Антоныч!». На такой же вопрос свекрови она отвечала: «Пьет матушка Пелагея Кузминишна!». После этого молодые вставали с пола и целовались с родителями молодого. Выходила другая

пара родных, и молодые снова делали земной поклон до пола, пока не ответят на вопросы: «Кто пьет?». И так они должны были кланяться каждой паре родных и знакомых, «сколько бы их ни выходило» (Н. Ягуны и их свадебные обычаи // Тамбовские губернские ведомости. 1896. № 42).

Послесвадебная обрядность

№ 16. В каких-то случаях название имени и отчества супруга бывало и в послесвадебной обрядности, особенно на Масленицу. Скорее всего, об этом этапе русской народной свадьбы идет речь в сообщении о традиции одной из деревень Казанской губернии, когда молодая называла имя мужа после его возвращения от тещи (Зорин, 2004, с. 168).

Не исключено, что отголоски этого обычая, но в несколько ином виде, фигурируют в «Домострое»: в один из моментов свадебного пира «тесть встает, а дружка второй начнет говорить свекру, назвав его полным именем (выделено автором статьи. – В. Б.): “Бьет тебе челом, чтобы пожаловал ты завтра у него (новобрачного. – В. Б.) за столом быть и пировать”. И новобрачного, и званых бояр, и свекровь и боярыню по именам дружка называет, а тесть кланяется, и новобрачный тестя и приезжих бояр потчует» (Домострой. М.: Сов. Россия, 1990, с. 215).

Методологическая база исследования опиралась на основы сравнительно-исторического анализа и заключалась в выявлении происхождения изучаемого элемента традиционной культуры путем его сопоставления с аналогичными явлениями предшествующих этапов исторического развития.

Теоретическую базу исследования составили работы по проблематике традиционной свадебной обрядности русского и других этносов, в том числе анализа некогда бытовавшей традиции похищения невесты и его пережиточных моментов в системе брачной обрядности (Гура, 2012, с. 22-23; Шангина, 2017, с. 17-20).

Практическая значимость исследования заключается в расширении знаний о традициях русской народной свадьбы, в том числе роли обрядности, связанной с некогда бытовавшим похищением невесты.

Обсуждение и результаты

Обряд «вопрошания имени» имел такие «расклады» по этапам свадебного действия: при подготовке к свадьбе на одной из встреч сторон жениха и невесты – 7 случаев; во время самой свадьбы: от венчания и до укладывания в постель – 8; в послесвадебной обрядности: при посещении тещи новобрачным – 1, но к ним надо добавить неучтенные случаи гощения обоих новобрачных у тещи на Масленицу.

Два момента описания этого обряда, с нашей точки зрения несообразных, привлекают внимание. Один из них (№ 13) – предписание новобрачных по приезду с венчания «покликать матерю», т. е. назвать имена «дедушки» и «бабушки», а затем родителей супруги/супруга – «мамой» и «папой». Содержание информации вызывает ряд вопросов. Почему при «выклипании матери» надо было назвать «дедушку» и «бабушку», и чья эта «мать» – жениха или невесты? Почему нужно было назвать, причем сначала представителей более старшего поколения, и только потом – родителей новобрачных, из чего вытекает и более высокая их статусность. Автору вообще не встречалось в описаниях русской свадьбы упоминание в той или иной роли представителей более старшего поколения новобрачных, они, если и присутствовали, то, скорее всего, скрывались под общим названием «родные», в отличие от родителей, которым действительно придавалось в этом действии огромное значение. Другой момент (№ 16) – обязанность новобрачной назвать имя супруга по его возвращении из поездки к теще (фигурирует без ссылки на источник). Это какое-то недоразумение. Поездки к родителям жены, как правило, на значимые праздники, совершались обоими супругами, в отдельных случаях – новобрачной, но уж никак не одним мужем.

Этот обряд свадебного ритуала, как в свое время справедливо заметил Н. В. Зорин (2004, с. 167, 168), остался почти незамеченным исследователями (он определял его как «обычай взаимного называния имени молодыми людьми» или «обычай называния имени»), при этом им было указано, что сведения о нем отсутствуют в характеристиках древнерусских свадеб (Зорин, 2004, с. 168); со ссылками на (Остроумов, 1905; Казаченко, 1957). Правда, в одном случае Н. В. Зорин увидел все-таки намек на его бытование в сочинении XI в. митрополита Иллариона, приведя цитату из его сочинения: «...не бывает на простых людех благословения венчания, но бояре токмо и князи венчаются, простым же людем яко именем и плесканием» (Цит. по: Зорин, 2004, с. 168).

Как указано выше, мы обнаружили материалы по обряду «вопрошания имени» при исследовании южно-русской свадьбы, при знакомстве с монографией Н. В. Зорина (2004, с. 63, 72, 167-168) выявились его довольно многочисленные аналогии. Однако дальнейшие поиски в этом направлении результатов почти не дали за исключением двух случаев из описаний свадебной обрядности Сокольского района Вологодской и Варнавинского Нижегородской областей. Сведения о нем отсутствуют в разделах свадьбы монографических описаний русского, а также украинского и белорусского этносов (Русские, 1997, с. 466-497; Украинцы, 2000, с. 291-307; Белорусы, 1998, с. 384-388), в работах по русской семейной и конкретно – свадебной обрядности, не обнаружен он и в статьях, посвященных славянской свадьбе, этнолингвистического словаря «Славянские древности» (Русские: семейный и общественный быт, 1989, Русский народный свадебный обряд..., 1978; Забылин, 1994, с. 92-142; Гура, 1995, с. 326-333; Гура, Узенёва, 2009, с. 560-564) по свадебной обрядности. Естественно, что просмотреть на предмет поисков этого обряда всю литературу по русской свадьбе – дело немыслимое, особенно учитывая, что значительную часть источников будут составлять, как свидетельствует наш опыт, сведения дореволюционной периодической печати, еще не введенные в научный оборот, а именно в ней зачастую даются подробнейшие описания конкретной свадьбы «на местах».

Конечно, можно предположить, что в описаниях свадебного ритуала «вопрошанию имени» могли отказывать в принадлежности к обрядовой сфере, воспринимая его в качестве бытовой детали свадьбы и предполагая в нем форму обычного знакомства, что, конечно, нелогично. Неужели жених с невестой до самой свадьбы не знали имен и отчество друг друга, как и ее организаторы – имен представителей противоположной стороны? И это при тщательнейшем переборе их качеств во время обсуждения намечающегося брака, нередко долгих переговорах по проведению свадьбы и, соответственно, взаимных встреч, занимающих иногда не одну неделю, а то и больше времени. Кроме того, вырисовывается довольно определенный регион распространения этой обрядности – идущий полосой в широтном направлении с запада на восток от нынешней Липецкой через современные Тамбовскую, Пензенскую, Нижегородскую области, Татарстан до Кировской области. Вологодский случай – единственный, кстати, при обширности материалов по свадьбе Русского Севера данного источника (Русский Север..., 2004, с. 473-574).

Н. В. Зорин, обратившись к проблеме происхождения обряда «вопрошания имени», объяснял его следующим образом: «...по материалам Среднего Поволжья взаимное называние имен брачующихся, а затем новобрачных занимает существенное место в свадебном ритуале как неоспоримое доказательство их предстоящего или совершившегося супружества... Это элемент языческого бракосочетания, который входит в брачный комплекс наряду с плесканием водой, вождением невесты вокруг дуба или ракиты, обезжанием озера, разуванием мужа и т. п.» (2004, с. 168). Надо отметить, что по фигурирующим в его работе материалам круг взаимно называющих друг друга лиц не ограничивается брачующимися, кроме них в процедуре участвуют друзья жениха, подруги невесты. При выходе за границы Среднего Поволжья он расширяется: в «вопрошании имени» участвуют родители жениха и невесты, другие родственники и участники свадьбы.

С нашей точки зрения, в этой обрядности, скорее, можно видеть другое – пережиточный момент похищения невесты, когда имена супругов и их близких узнаются уже только после этого события. Для славян похищение известно по летописному сообщению о древлянах, которые «умыкали девиц у воды» (Повесть временных лет: в 2-х ч. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1. Текст и перевод, с. 211), а как свидетельствуют этнографические материалы, эта особенность оформления брака практиковалась у многих других народов. Со временем вступление в брак стало достигаться договоренностью сторон, но похищение бытовало в ритуале свадьбы в качестве реликта прежней традиции, сохраняющей довольно многие его черты. Их немало и в русской народной свадьбе.

В частности, эти черты представлены в лексике: слово «невеста» этимологизируется как «неизвестная» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1993. Т. I, с. 563-564), явно применительно к имени «умыкаемой девицы». Отсюда и нередкое определение жениха в свадебном фольклоре как обезличенного индивида – он «чужой чуженин» (Русский Север..., 2004, с. 535). Вписывается в качестве реликта похищения широко практиковавшийся обычай закрывания лица невесты, направленный, как можно предполагать, на ее обезличивание, как «неизвестной», в то время как приведение ее в «известность» осуществлялось сниманием покрывала.

Возможно, похищение, принявшее потом обрядовую форму, является объяснением этимологии определения «нареченные» для жениха и невесты (Пономарев, 1913), т. е. получившие имя, что выглядит весьма странно, поскольку именами их «нарекли» задолго до заключения брака. В связи с этим интересна мордовская свадебная традиция лемдима – «наречение невесткой». На второй день свадьбы свекровь, уредев (лицо, охранявшее жениха от «порчи») или кто-то из родственников молодого давали имя молодой особым названием невестки в зависимости от того, женой какого сына по счету она была. В дальнейшем все члены семьи ее мужа называли ее так, кроме него самого – он обращался к ней по прозвищу или местоимению («ты», «эй, ты»), и свекра или свекрови, для которых она была урьва – сноха. «...новое имя молодой, – как трактовала этот обряд Т. П. Федянович, – служило знаком ее принадлежности к новой семье и указывало на ее положение в ней» (1978, с. 254). Можно усмотреть эту традицию в восклициании свекрови «Наша, наша!» в русской свадьбе, когда она снимала у посаженной в переднем углу молодой покрывало с ее лица (Быстров Н. Историко-статистическое описание села Степановки Мокшанского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1885. № 12).

В анализируемой обрядности «вопрошания имени» русской свадьбы преимущественно называли, часто взаимно, имена жениха и невесты (№ 2, 4, 5, 8, 9, 11), в том числе по запросу со стороны: «сходатай-свахи», подруг невесты, родителей жениха и др. Специфической фигурой, отвечающей на вопрос подруг к невесте об имени ее суженного, вместо нее самой был «товарищ жениха» (№ 1). Известно, что друг жениха нередко исполнял роль дружки как распорядителя основными моментами свадьбы – отправление «поезда» из дома жениха и сама поездка, оформляемая как военизированное предприятие, пребывание в доме невесты, перемещение после венчания на свадебный пир и его проведение (Гура, 1999, с. 138-141). Естественно, кому как не ему было знать имя жениха при отправлении за похищаемой «неизвестной» невестой, между тем как роль жениха (как и невесты) в ходе свадебного действия отличалась крайней пассивностью, предполагающей вообще его неучастие в этом предприятии.

В этом же отношении примечательно требование подруг к невесте назвать имя ее будущего мужа во время предсвадебного посещения ею бани. Е. Г. Кагаров (1929, с. 171-173) в одной из своих работ указал на бытующее у ряда народов представление о бракосочетании невесты в канун свадьбы с духом бани, где она отдает ему свою девственность, при том, что в традиционном русском обряде духа может представлять реальный индивид. Между тем, в русской свадьбе известно совместное посещение бани женихом и невестой, правда, в ее второй день (Свадебные обряды русских крестьян Царевококшайского уезда // Памятная книжка Казанской губернии на 1868-1869 год. Казань, 1868, с. 53), но это наводит на мысль о возможности их первого сокоупления сразу после похищения в преддверии самой свадьбы (если она устраивалась), когда и происходил их обмен именами.

Доказательством этого предположения может быть название невестой имени жениха при совершении обряда его разувания (№ 14). Он приурочивался, по сути, к кульминации свадьбы, а ею было, конечно, не венчание, а первое «узаконенное» соитие молодых – ведь ради продолжения рода и существует институт брака и семьи. В качестве разновидности обычая «вопрошания имени» надо рассматривать название на свадьбе по имени и отчеству невестой сначала родителей жениха, потом других присутствующих – во время обряда «вызывание к рюмке» (№ 12) или, в другом варианте, «величания» / «угощения по старшинству» (№ 15). Неслучайно сначала фигурировали отец и мать жениха – именно их в первую очередь должна была знать привезенная невеста.

Если верно предположение о пережиточном содержании обряда «вопрошания имени», то он представлял собой установление личных связей между женихом и невестой и между невестой и окружением жениха, и тем самым включение после ее похищения в систему новых для нее родственных связей путем знакомства с представителями социума жениха.

Мы осознаем, что высказанная нами точка зрения на содержание обряда «вопрошание имени» может вызвать и некоторые возражения. Так, в досвадебный период друзья жениха требовали от него назвать имя и отчество невесты» (№ 6), хотя он не должен его знать, если она «неизвестная». Или тот факт, что обряд по имеющимся данным совершался преимущественно в доме жениха (№ 1, 2, 10, 11, 13, 15, 16), что вполне логично, коль скоро сюда должны были привозить похищенную невесту, однако в двух случаях это был дом невесты (№ 3, 7). Возможное объяснение таких несоответствий (не только применительно к этой проблематике) – утрата носителями традиции представления о смысле обряда, в результате чего отдельные элементы начинают искажаться с нарушением его структурно-функциональных взаимосвязей.

Заключение

В целом мы сохраняем уверенность в правильности нашего заявленного выше вывода: обряд «вопрошания имени» представляет собой реликт некогда бытовавшей практики похищения невесты, которое сохранило его черты в виде мнимого воспроизведения этого обычая.

Источники | References

1. Белорусы / отв. ред. В. К. Бондарчик, Р. А. Григорьева, М. Ф. Пилипенко. М.: Наука, 1998.
2. Бузин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2015.
3. Гагторн Н. Свадьба в Салтыковской вол., Моршанского у., Тамбовской г. // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / Комис. по устройству студенч. этногр. экскурсий; с введ. ст. Л. Я. Штернберга. Л., 1926. Вып. 1.
4. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
5. Гура А. В. Венчание // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1.
6. Гура А. В. Дружка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2.
7. Гура А. В., Узенёва Е. С. Сватовство // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4.
8. Евтихиева Л. Ю. Тамбовский курагод: сборник сценариев и материалов для фольклорных коллективов. Тамбов, 2003. Вып. 1.
9. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. СПб.: Брайт Лайт, 1994.
10. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004.
11. Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. VIII.
12. Казаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. 1957. № 1.
13. Можаровский А. Ф. Свадебные песни Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1907. Кн. LXXII-LXXXIII. № 1. № 2.
14. Наследие Липецкой области. Свадебные традиции с. Вислая Поляна Тербунского района / отв. лицо М. А. Жучкова. 2016. <https://onkn48.ru/records/prazdnichnye-obryady/vislopolyanskie-svadebnye-traditsii-terbunskiy-rayon-lipetskaya-oblast/>
15. Нижегородская свадьба. Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край: обряды, причитания, приговоры / Российский ин-т истории искусств Министерства культуры РФ и РАН. СПб.: КультИнформПресс, 1998.
16. Остроумов Н. И. Свадебные обычаи и обряды Древней Руси. Тула, 1905.
17. Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 1997.
18. Русские: семейный и общественный быт: сб. статей. М.: Наука, 1989.
19. Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л.: Наука, 1978.

20. Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века / отв. ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2004.
21. Украинцы / отв. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2000.
22. Федянович Т. П. Черты сходства свадебной обрядности русских и мордвы // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л.: Наука, 1978.
23. Шангина И. Русская свадьба: история и традиции. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017.

Информация об авторах | Author information

Бузин Владимир Серафимович¹, к. ист. н., доц.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Buzin Vladimir Serafimovich¹, PhD

¹ St. Petersburg State University

¹ v.buzin@spbu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2024; опубликовано online (published online): 19.03.2024.

Ключевые слова (keywords): русская народная свадьба; сравнительно-исторический анализ; реликт; обряд «вопрошания имени»; похищение невесты; Russian traditional wedding; comparative-historical analysis; relic; ritual of “name questioning”; bride abduction.